

Но Цяо Юаньдун никак не могла высказать эти слова матери — это лишь сильнее разозлило бы её.

— Матушка, послушайте меня.

Цяо Юаньдун выдохнула и медленно произнесла:

— Бабушка уже в преклонных годах, Ань-гэр всё ещё мал, как можно оставлять дом без хозяина? Разве вы не помните, сколь трудно пришлось Поместью герцога в тот год, когда ушёл мой муж?

Великое Цзинь было завоёвано поколениями Государственных Герцогов Чжэньго, можно сказать, род Сян собственными руками водрузил драконий трон под седалище рода Сяо.

Однако стоит зайцам кончиться, как варят гончих собак; когда птицылетавшие исчерпаны, прячут искусные луки!

Это была всего лишь простая оборонительная операция, но молодой герцог семьи Сян вёл за собой сто тысяч воинов — и тем не менее наотмашь проиграл пятидесяти тысячам хусцев!

После случившегося старший сын хоу Чэнъи вернулся живым и привёз весть о том, что молодой герцог погиб из-за халатности и пренебрежения своими обязанностями.

В мгновение ока со всех сторон раздались обвинения, все принялись осуждать Поместье герцога.

В тот год в Поместье герцога все носили траур, а столица наполнилась руганью.

Поскольку Поместье герцога уронило достоинство Великого Цзинь и подорвало веру в сердцах его жителей, чиновники один за другим подавали Императору прошения с требованием лишить Поместье герцога титула.

Однако Император и вовсе не счёл это заслуживающим внимания: Поместье герцога устояло, исчез лишь Государственный Герцог Чжэньго, способный вести за собой войска.

Никто не мог наверняка угадать, было ли это дело рук хоу Чэнъи, затеявшего козни, или же свершилось с молчаливого попустительства рода Сяо!

— Хм! Если бы я заранее знала волю Его Величества, разве стала бы выдавать тебя замуж в эту волчью яму? И подумать только — твоя двоюродная сестра Императрица, а всё же не проронила ни звука!

Вспоминая тогдашние времена, Фэн не удержалась от холодного фырканья.

— Матушка, бирайте выражения! — Цяо Юаньдун внезапно бросила на Фэн суровый взгляд.

Только тогда Фэн сообразила, что сболтнула лишнего, и её тут же бросило в холодный пот.

Фэн была уже в годах, а ей всё ещё приходилось напоминать о таком, что выглядело довольно неловко. Она тихо кашлянула и сменила тему:

— Ты так упорно остаёшься в Поместье герцога и не желаешь выходить замуж во второй раз — неужели всё ещё тоскуешь по Сян Сюэкаю?

Сян Сюэкай сразу после церемонии совершеннолетия унаследовал титул и в тот же год с радостью взял в жёны дочь главы Чжуншушэн — Цяо Юаньдун.

Однако молодая жена едва переступила порог, как получила императорский указ немедленно вести войска на войну.

Сян Сюэкай обладал высоким мастерством и отважным сердцем; он пообещал нежной жене, что одержит победу, заслужит для неё титул благородной супруги, вернётся и тогда они радостно разделят ложе. Вот только этот человек ушёл и уже не вернулся.

Цяо Юаньдун лично поехала забрать тело Сян Сюэкая, а затем отправилась во дворец за пожалованным Императором титулом.

Молодые супруги так и не разделили ложе, и старшие в обеих семьях об этом не знали.

Госпожа-мать лишь думала, что у Сян Сюэкая дурная судьба — он даже не оставил после себя потомства.

Теперь же, услышав это имя из уст матери, Цяо Юаньдун невольно чуть подогнула кончики пальцев, лежавшие на коленях.

Выдержав пронзительный взгляд Фэн, Цяо Юаньдун наконец произнесла:

— Ветер пройдёт — след останется, человек пройдёт — имя останется. Мы с ним всё-таки были мужем и женой.

Фэн не выдержала:

— Но ведь человека уже нет! Ты же не можешь всю жизнь тешить себя призрачными грёзами!

— Матушка. — Цяо Юаньдун беспечно улыбнулась в ответ Фэн. — Дочь знает, что вы настаиваете на моём замужестве ради моего же благополучия в будущем.

Да ты хотя бы понимаешь это!

Фэн фыркнула, но не стала произносить то, что было на сердце.

Цяо Юаньдун продолжила:

— Только откуда матушка знает, что после нового замужества мне и впрямь станет жить лучше?

Фэн остолбенела. Она хотела было что-то возразить, но, взглянув на чернильно-черные глаза дочери, с чего-то вдруг вспомнила всю ту праздную челядь во внутренних покоях собственного дома.

Спустя мгновение Фэн промолвила:

— Ты — дочь, которую я воспитывала с таким трудом. Будь то урегулирование дел с домочадцами или управление внутренними покоями, у тебя всегда хватало средств. Даже выйдя замуж, разве твоя жизнь могла бы стать тяжёлой?

Цяо Юаньдун улыбнулась:

— Сейчас у меня сверху нет свёкра со свекровью, заслуживающих заботы, а снизу — золовки, чинящей преграды. Зачем мне снова выходить замуж и проходить через всё это?

Фэн недовольно возразила:

— Раз уж речь идёт о повторном браке, я, разумеется, подыщу для тебя семью, где царит лад, а муж относится к тебе с заботой. С какой стати мне просто так толкать тебя в волчью яму?

Произнося эти слова, она чувствовала себя неуверенно, потому что нынешнее положение семьи Сян в глазах Фэн казалось точь-в-точь огромной волчьей ямой.

Цяо Юаньдун не придавала этому значения и лишь молвила:

— Матушка сама говорит о повторном браке. Но во всей этой столице — кто ещё остался из тех, у кого в семье лад, муж любящ, да ещё и кто пришелся бы матушке по вкусу? Даже если такого удастся отыскать, разве станет он смотреть на меня, женщину побывавшую замужем?

В тот год, когда Сян Сюэкай пал в бою, её свекровь тяжело заболела и последовала за ним.

На семью Сян обрушилось такое бедствие, и за Цяо Юаньдун закрепились слава женщины, приносящей смерть мужьям — она разнеслась по всей столице.

Фэн добрую минуту давилась словами и в конце концов так и не смогла переспорить Цяо Юаньдун.

Рассерженная и огорченная, она хлопнула Цяо Юаньдун по руке и со слезами на глазах произнесла:

— Я знаю, что ты с детства упряма, но спорить со мной в таком деле... Делай что хочешь, я больше не стану в это вмешиваться!

С этими словами она в гневе удалилась, и уговоры Цяо Юаньдун остаться на обед ни к чему не привели.

Взбешенная Фэн вылетела из Поместия герцога, служанка помогла ей забраться в повозку, и кучер, взмахнув хлыстом, спросил:

— Госпожа возвращается домой?

Служанка еще ничего не успела ответить, как Фэн злобно бросила:

— А куда мне еще ехать, если не домой?!

Кучер втянул голову в плечи, понимая, что госпожа сейчас в ярости, и послушно тронул коней.

Когда повозка, покачиваясь, подъехала к парадным воротам клана Цяо, Фэн внезапно передумала:

— Ладно, во дворец.

Кучер: «...»

После смены нового руководства Ся Ман по-прежнему честно трудилась.

В новой обстановке было крайне необходимо наладить хорошие отношения с новыми коллегами, ведь старшие товарищи куда лучше понимали предпочтения хозяйки.

У госпожи не было привычки пить чай сразу после утреннего пробуждения — она требовала чай только после того, как возвращалась с утреннего приветствия госпоже-матери, и обычно пила его еще раз после полуденного сна.

В отличие от госпожи-матери, любившей крепкий чай, госпожа отдавала предпочтение легким сортам, поэтому больше всего жаловала Люйань Гуапянь, всякий раз заваривая его совсем с небольшим количеством листьев.

Воду для заварки требовалось брать непременно только что закипевшую, а воду, вскипяченную во второй раз, пить уже не полагалось.

К тому же из-за летнего зноя госпожа страдала от летней хандры, поэтому в ее привычный чай теперь добавляли еще один вид цветочного чая, снимающего жар и пробуждающего аппетит.

Что же касается того, какой чай подавать другим господам в обычные дни или когда приходят гости — это была целая отдельная наука о чае.

Ся Ман считала себя умной девушкой, но от всего этого у нее сейчас трещала голова.

Из-за инцидента с Фэн Цяо Юаньдун лишь лениво съела за обедом несколько ложек, а после трапезы легла на кушетку вздремнуть.

То ли из-за летней жары, то ли из-за тяжелого на сердце, ворочаясь в полусне, она пролежала до четырех часов пополудни, но так до конца и не протрезвела, чувствуя себя разбитой.

Увидев, что госпожа проснулась, Жун Чжу отправилась в чайную комнату заварить ей чай.

Едва переступив порог, она заметила, как Ся Ман с медным чайником в руках как раз наливает воду в чашку, предназначенную для госпожи. Жун Чжу быстрыми шагами подбежала ближе и, нахмурившись, бросила:

— Кто велел тебе заваривать чай?

Ся Ман в полдень вздремнула в чайной комнате, и ее разбудила Хэ Лань, велев заняться заваркой. Сейчас глаза у нее все еще были немного сонные, она посмотрела на Жун Чжу и ответила:

— Сестрица Юньсю велела.

Услышав это, Жун Чжу нахмурилась еще сильнее:

— Это она велела?!

Ся Ман кивнула:

— Когда я только пришла отмечаться, вы с госпожой принимали гостей в комнате, и сестрица Юньсю взяла на себя смелость распорядиться.

Жун Чжу промолчала, лишь ее лицо постепенно омрачилось.

Ся Ман почувствовала исходившее от нее давящее напряжение и решила, что та недовольна ее рабочими навыками.

Она пояснила:

— Чашки я тщательно вымыла, чайные листья разбудила, а вода закипела только что.

Придя в себя и не желая возиться с ней, Жун Чжу махнула рукой:

— Отнеси госпоже. Да посерьезнее с правилами — оскорбишь госпожу, мало не покажется!

Сказав это, Жун Чжу стремительно вышла из чайной комнаты, но, развернувшись, направилась вовсе не в покои госпожи.

Да что вы все вечно норовите всех запугать!

Про себя выругалась Ся Ман, аккуратно беря поднос с чаем и осторожно шагая наружу. Чайная комната находилась от главных покоев на расстоянии короткой крытой галереи, вдоль которой рос ряд кустов гардений.

Как раз наступила пора цветения, и гардении цвели пышно и ярко.

Полуденное солнце выпаривало из цветов ароматы, наполняя весь внутренний двор благоуханием, от которого у Ся Ман на душе стало легко и радостно.

У самого поворота один куст разросся особенно бурно, и ветки с цветами даже свешивались под крышу галереи. Проходя мимо, Ся Ман не удержалась и сорвала один цветок.

Она решила завернуть его в носовой платок и положить на ночь у подушки, чтобы спать в сладком аромате.

В голове внезапно раздался звонкий звук «динь», напугавший Ся Ман так, что она чуть не пролила чай с подноса.

«Выдано системное задание: попрошу хозяйку положить цветок на поднос».

Ся Ман: «...»

«Погодите, это ведь не ваша вещь, что такого в том, что я сорвала цветок?»

Угроздило же связаться с такой прижимистой системой, до чего же тяжелая жизнь!

Система: «Прошу хозяйку выполнить задание».

Ся Ман, конечно, не собиралась слепо подчиняться — она прекрасно помнила те бочков, что потеряла в прошлый раз.

«Что это за дурацкое задание? У меня подозрение, что вы придумали его на ходу. Если не объясните зачем, и не думайте, что я стану вас слушать!»

Система явно на мгновение замолчала.

Взвесив степень упрямства Ся Ман, система наконец пояснила:

«Цель — сблизить отношения с целевым лицом, Цяо Юаньдун».

Ся Ман поломала голову добрую минуту, прежде чем сообразила, что под Цяо Юаньдун система подразумевает госпожу, и не удержалась от вопроса:

«А что будет, когда я нащупаю с ней хорошие отношения?»

Система: «Без комментариев, прошу хозяйку выполнить задание как можно скорее».

Ты что тут, тюбик с зубной пастой выдавливаешь по капле?

Ся Ман помолчала в полном оцепенении, понимая, что от системы больше ничего не добьется, и в конце концов с досадой подумала:

«Как можно повысить расположение с помощью какого-то завялящего цветка?»

Система: «...Цяо Юаньдун любит гардении».

Брови Ся Ман взлетели вверх. Ей хотелось спросить, откуда система это знает, но инстинкт подсказывал, что спрашивать бесполезно. Немного подумав, она все же положила сорванный цветок на поднос.

Белоснежный пышный цветок гардении, лежащий рядом с безупречной белой фарфоровой чашкой, создавал вполне гармоничный и изысканный вид.

Цяо Юаньдун, поднятая с постели Хэ Лань и Хэ Хуань, села у окна с томиком книг в руках, когда Ся Ман вошла с чаем.

Она на цыпочках подошла, поставила чашку на маленький квадратный столик и рядом положила ту самую ветку гардении.

Привлеченная внезапно дохнувшим ароматом, Цяо Юаньдун оторвалась от книги и, заметив цветок на столе, на мгновение замерла в оцепенении.

Ся Ман, подав чай, почтительно отступила назад. Она уже дошла до ширмы, как вдруг Цяо Юаньдун окликнула ее, и ей пришлось снова опустить голову и вернуться.

Цяо Юаньдун узнала служанку перед собой и вспомнила, как видела ее выходящей из той же комнаты, где был Сян Сюань, в главном дворе.

Глядя на цветок гардении, явно положенный сюда намеренно, она слегка нахмурила свои брови-листки.

— Права была госпожа-мать, когда говорила, что ты сообразительна.

Цяо Юаньдун посмотрела на цветок гардении и многозначительно произнесла:

— Только вот сообразительность свою нужно применять в правильном русле. Впредь больше не занимайся подобным.

Это путь через госпожу-мать не сработал, так она решила проложить дорожку через нее?

Хм, ради наследного княжича и впрямь старается изо всех сил!

<http://bllate.org/book/25222/3005621>